

Rimma Snou

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГРЕШНЫЙ ШЕПОТ ДОЖДА

Rimma Snou

Грешный шепот дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67630749

SelfPub; 2022

Аннотация

Идти под венец по желанию родителей – что может быть хуже для юной и хрупкой девчонки, не знавшей романтической влюбленности? Убегая от наскучившей жизни она окажется в лапах двух хищных тигров, которые и подарят ей страсть, увлекут в мир любовных переживаний и опасности. Фешенебельные рестораны и дорогие машины, интересная работа и сразу два очаровательных босса – сложится ли судьба наивной и нежной девушки?

Содержит нецензурную брань.

Rimma Snou

Грешный шепот дождя

Глава 1

Эля

Кто сказал, что отношения всегда должны иметь развитие либо заканчиваться? Как и многое в своей взрослой жизни мне немедленно хочется опровергнуть этот антигуманистический тезис, с размаху хлопая дверью кабинета Коренева. Дмитрий Сергеевич, обласканный женским вниманием тридцатилетний холостяк и глава договорного отдела в крупном столичном сэллере «Rouge et noir», не обделил вниманием и меня, двадцатилетнюю студенточку-практикантку. Потерявши голову месяц назад, я пыталась удержать ее на плечах сейчас, когда порученный проект разваливался на части, а Дмитрий свалил все косяки на меня, давши ко всему прочему от ворот поворот. Он видите ли не заводит отношений на работе! Ага, и в первый раз, и во второй, и на свидании на теплоходе... Хорошо еще, что у нас до дела не дошло... И ни послать его от всей своей не до конца русской души, ни продолжить изображать взаимопонимание. Отношений в данном случае не сложилось, так что и развивать нечего. Неприятный тип и хороший лгун!

– Ты чего такая нервная? Корешок приложил? – упоминает Наталья дивное прозвище моего начальничка.

– А то! Наглецкий и обаятельный зверюга. Хотя нет, злобный ежик с консервированным сарказмом, я бы сказала. – отвечаю.

С детства обожаю подбирать людям и событиям эпитеты. Мне кажется, существительные как нельзя лучше отражают не только человека, но и его ауру, взаимоотношения с окружающими. А еще я не полезу за словом в карман. Так уж случилось, что на факультете рекламы в столичном вузе оказалась единственная дочурка профессорской семьи филологов. Бабуля у меня вообще лингвист!

– А я говорила... – нравоучительно протягивает Наталья. – Почему консервированным?

– Потому что протухший. Вскрой и завоняешь за версту. Про «говорила» тоже знаю, Наташ, но дурочкам же все надо на собственной шкуре. – смахивая слезы, закуриваю ментоловые Esse. – *Aimer n'est pas sans amer...* (Любви не бывает без горечи). Так говорит моя маман.

– Ты снова за свое! Хряпнись уже на землю, Элька. Не ищи ты заоблачных парней, от них одни неприятности. Земной тебе мужчинка нужен, обычный. Да хоть бы от твоих чувовых родителей тебя забрал.

Мне хватило смелости немного поделиться с Натальей о своих домашних горестях, на что она только и могла, что покачать головой. Знаю, по человеческим меркам я неисправимый «терпила».

– И что мне с ним делать с обычным? – прищуриваюсь

лисицей.

– Будешь перед ним блистать французской классикой, а он тебе хоть яичницу пожарит, да селедку почистит. Ты купаешься на образ, а потом с удивлением отмечаешь, что человечество-то никакой! – не унимается подруга в своих нотациях.

– Да, права ты, конечно, только мне стоит взять тайм-аут. До конца практики еще два месяца, и как-то придется ужиться с этим... дикообразом стриженным. – по спине пробегает неприятный холодок от обиды. – Не буду я активничать от слова совсем и выброшу из головы всю любовную символику. Проект для Шатанова закончу и все! Шабаш!

– Вот и умничка! Только язык свой попридержи. До невозможности ты острая в этом месте!

– Это хорошо, что не в других... – отмечаю со вздохом.

Тушу окурок в блестящей брэндовой пепельнице. Для своих я не курю и не умею ругаться, и даже возмущаться. Пойду и помру паинькой...

Почему-то мне становится жутко обидно за себя, вдохновенную, романтическую и совершенно неопытную, готовую отправить свое сердце на растерзание. Конечно, не первый Коренев персонаж, тронувший мое робкое сердечко. Мальчишкам я нравлюсь, точно, только они мне никак. Не впечатляюсь я от неуместной лексики и неумелых действий!

Легкое школьное увлечение по имени Борис немного «подтянул» мои познания в области собственного тела и

ощущений, но с ним все также отлегло, дабы его настойчивость не знала границ. Собираясь в магазин, я молилась, чтобы он не стоял под моим подъездом, но он стоял, он там почти жил! Слабая или агрессивная психика меня отталкивала, поэтому я отшила беднягу в грубой форме, как обычно меня отшивает мама, если я о чем-то прошу. Увы, иначе успех не гарантирован. Конечно же, я немного скучала потом по его скромным поцелуям и обнимашкам, но моя жизнь слишком сложна и насыщена событиями, чтобы я могла позволить себе столько размышлений на одну тему. Кроме того, я поступила в универ, и вокруг появились уже не парни, а мужчины, уверенно поглядывая на меня и облизываясь. О, нет! Я только ответить могу остро, оставаясь на самом деле одним клубком комплексов, включая интимную неопытность...

Уверенно шагая со стопкой зарисовок в лифт, я влетаю в очередного представителя фешенебельных... В этом здании их полным-полно. Свежий будоражащий аромат лосьона, начищенные до блеска туфли, строгий шикарный темно-синий костюм, а лица мне не видно. Последней зарисовкой я водрузила на стопку бумаг нечто с объемной аппликацией в форме морской треуголки. Сидела и мечтательно изводила клей, а теперь вот даже поздороваться нормально не имею возможности.

– Здравствуйте... кто бы Вы ни были, – добавляю, краснея от собственной глупости и конфуза.

– Здравствуйте, приятная незнакомка. – бархатный низ-

кий голос, как у маньяка, заставляет меня замереть.

Неконтролируемое чувство зайца, которому срочно нужно сбежать. Мужчина «без лица» кажется мне опасным и притягательным одновременно на интуитивном уровне. Голос принадлежит вовсе не мальчишке! Лифт как назло останавливается, и я уже готова вывалиться из него на негнущихся ногах, как вдруг сзади появляется еще один такой же экземпляр с похожим ароматом туалетной воды, и басит первому.

– Привет, дружище! Как раз к тебе! Что с моим проектом? И этим... каталогом, мать его...

О, да! Фешенебельный неандерталец и матершинник! Нереальное сочетание, но я же в столице? Значит, имеет место быть, что угодно, а еще так интересней! Москва-Сити – это ж филиал Нарнии!

– Отдал рекламщику. Погоди, – первый «без лица» чем-то шуршит за моей стопкой и выдает. – Ну, это примитив, насколько вижу, но полагаю, эта милая лань доведет все до логического завершения.

Уж не обо мне ли ты, сексуальный красавчик? Не сомневаюсь, что такой, поэтому любопытство мгновенно берет верх. Я выглядываю из-за своей стопки, сталкиваясь с угольными глазами босса, директора «Rouge et noir», коего видел только на корпоративном сайте. Он деловито расплывается в шикарной улыбке, переводя взгляд на зеркальную стену лифта. Он все это время следил за моей реакцией и видел,

как я покрылась «окраской» помидорки... Голова инстинктивно втягивается в плечи, но тут я слышу усмешку второго мужчины, прямо за своей спиной. Любопытство разгулялось в крови до чесотки, поэтому поворачиваюсь на несколько градусов, чтобы снизу-вверх и наискосок взглянуть на второго, и чуть не падаю от этого недокульбита. Янтарно-зеленые мягкие глаза удивленно рассматривают меня, раскрывшую рот от изумления. Шатанов... собственной персоной. Я прекрасно помню его лицо с обложки рекламного проспекта.

Помнится, Дмитрий от души негодовал, что тот раздает указания исключительно в электронной почте, поэтому работать с его задумками хуже некуда. Обратная связь постоянно «недовольная», масса придилок, а кроме того, Шатанов компаньон нашего босса и «у него столько же чертей в голове!» Не уверена, что могу трезво оценить ситуацию, но стопочка моих записей и зарисовок, а также ежедневник, коробка конфет, в общем, самые необходимые для работы вещи, с шуршанием валяются на пол лифта. Мужчины рассматривают меня так, будто я покрыта пурпурным ковром чудесной камнеломки, как в мамином огороде, а я изображаю помидорку и мелко дрожу, растопырив пальцы на скрюченных неловких руках. Дыбом встал каждый волосок на теле и мурашки принялись сдавать стометровки. Еще бы! Два огромных хищника окружили!

– Помоги, – бросает первый второму, и они как по команде приседают, собирая мои разлетевшиеся бумаги. Таковую

картину и застаёт главный бухгалтер Инна Вагановна, дама строжайше-строгих нравов, в черной юбке в пол и огромных для ее лица очках на золотой цепи. Именно цепи, потому что мне страшно представить, сколько весит такая амуниция.

– А... Здравствуйте... – выдавливает она, наблюдая в разъехавшихся дверях лифта меня, несуразно испуганную, и двоих мужчин у моих ног, собирающих бумаги.

– Ага... – придурочно улыбаясь, я киваю и закрываю лицо руками.

Придя на практику в компанию я первым делом обновляла блок для бухгалтерии в корпоративном разделе. Работа не была пыльной, «врезать» готовый модуль с фотографиями и коллажем в сайт, но Инна Вагановна сотворила чудо! Яковырялась с этим неделю, потому что на согласование даже миллиметрового отступа в макете я прибывала к ней лично и по паре часов выслушивала душераздирающую лекцию о падении нравов нынешней молодежи... Ну, вот скучно ей, такой широченной... душе в тесных рамках отчетов и цифр!

И был бы повод? Мои юбочки все как одна ровно до колена, а вообще я предпочитаю темные джинсики в обтяжку и обычную кофточку, не оголяющую ни живот, ибо мы не на островах, ни грудь, а та у меня не особо «рослая». Поэтому верхом моего романтического образа можно считать лишь широкий вырез худи, который иногда (очень редко!) сползает на плечо, оголяя ключицу.

– Ты чего? – протягивает первую половину стопки с бу-

магами директор, заглядывая мне в глаза.

– Инна Вагановна... Она меня теперь в паранджу оденет и заклеит скотчем по периметру. – выдыхаю горестно.

Шатанов заходится раскатистым хохотом, а директор... улыбается своей идеальной улыбочкой. Ему невероятно идет, настолько, что я разглядываю его губы и небольшие ямочки, заметные под редкой щетиной. Интересно, зачем она ему? Может, просто отращивает? У Шатанова, вон целый национальный парк на подбородке. Черноглазый хищник моложе, не больше тридцати, а вот Шатанов старше, крупнее.

– Мы всего лишь пали к твоим ногам. Вот если бы ты к нашим... да на колени... – он поиграл бровями, блеснув своими бездонными черными глазищами. – Все в порядке, малышка.

Босс протягивает мне бумаги и касается тыльной стороной ладони моей щеки. Обморок мне гарантирован! Шатанов поднимается и кладет свою руку мне на плечо, немного наклоняясь. Да-да! Там как раз сползла кофточка с плеча!

– Я приму свой заказ уже сейчас, если по его каталожной глянцевой обложке будут скользить эти нежные пальчики... – он выдыхает мне в шею, укладывая часть бумаг сверху и специально пробегая пальцами по моей ладони.

Два обморока. Сознание готово подбросить видение с распятым за эту интимную сцену в лифте. Качаю головой, не имея возможности выдать из себя ни слова, и пачусь, ока-

зываясь, наконец, на свободе. Шатанов подмигивает мне и, ухватив под локоть, директора, они шагают по коридору холла в переход второго корпуса, а я тащусь со своими бумагами к выходу. Сердце бухает от пережитого, но внутри все улыбается и поет. Такие красавчики... На их фоне Коренев действительно «корешок», причем изрядно подсохший. Эээ-х, впереди убийственные выходные.

Зная себя, даже в сложившихся обстоятельствах, я не выпущу из памяти черноглазого демона и медового великана. Директор компании по имени Богдан Радецкий – это точно пума, а Шатанов... Дайка подумать, точно! Бенгальский кот! Тигр! Неимоверное сочетание ультрамарина и медового света. Два огромных уверенных в своей силе зверя, красивых, знающих себе цену.

А я? Горестно вздыхаю, плюхнувшись за руль своей старенькой Лады. «Донашиваю» за папой... Что обо мне могли подумать эти красавчики? Пару недель назад Наталья шепнула мне на ухо в холле, что «вон идет невеста Радецкого», так от зависти можно было лопнуть всем женским конгломератом. Яркая мелированная блонди с сочными ляжками в коротенькой юбочке и откровенным бюстом. Томный взгляд, крохотный клатч Prada, крокодиловые сапожки... Ох, и мотануло меня тогда. Неделю казалась себе замухрышкой. Конечно, подзатерлось в памяти, как все негативное, но осадочек остался.

Я совсем не такая, какими бывают успешные леди, осо-

бенно это касается мира рекламы. Как и в киноиндустрии, тут царят свои правила и привычки. Не может создать успешный ролик, предложить, раскрутить товар человек, который и себя-то не особо любит. А я себя не люблю. Постоянно борюсь то с усталостью, то с ленью, то с родителями. Моему высоченному порогу самокритики и богатому лексическому запасу я обязана двум профессорам-лингвистам на пенсии, которые теперь цитируют Фабье избалованным гортензиям и ремонтантным огурцам. Я единственный ребенок в семье, поздний для обоих, и вместо предсказуемого баловства во всем мне почему-то достались тотальный контроль, непомерная планка успешности и желание устроить мою судьбу без моего участия. Чего меня понесло на специализацию рекламы? Мне с детства дорога лежала в монастырь... женский. Не отказалась бы от мужского, но даже в качестве эпитетов подобные шутки вызывают у моей маман тахикардию, гнев и покраснение лица.

Эльвира Блума, надежда и опора своих непростых родителей, кстати, любимых мною и уважаемых, прибывает домой в отвратительном настроении. Никакой из меня рекламщик, хоть убейся! Вместо горячей брюнетки или ледяной блонди из зеркала в прихожей смотрит скромное колорирование, немного пережженное, неудачное, с натуральными как у моли прозрачно-серыми глазами, какими-то серо-белесыми, неопределенными и неуверенными.

Никогда не любила полутона. Если красный, то кровавый,

если синий – то глубокий, небесный, ледяной, а тут – не пойми что, ей Богу. Вот как себя полюбить в образе пыльного мотылька? Знаю, бесконечно критична и нереально требовательна. Не вижу, как разубаюсь, стягивая балетки, и прохожу в комнату, сваливая бумаги на диван. При всей своей мнимой педантичности, я потащила с практики кучу вещей без пакета или коробки, прямо в руках. Отсюда и нелепая ситуация в лифте. Все не ровно, что ни сделай. Отправляюсь на кухню, разглядывая один из набросков, прихваченных с собой. Надо бы вспомнить, что мы рекламировать будем.

Ах, да. У Шатанова торговая сеть и что-то строительное, и одно из направлений – элитное женское белье. Именно на это дело и был заказан макет. Конечно, я сделаю не только его, но и три-четыре позиции из медиа-плана, который, честно говоря, вышел у Коренева куцым. Как девушка и постоянный потребитель такой продукции как женское белье, мне точно есть, что сказать по поводу синхронизации имиджевой и торговой позиции такого продукта как женское белье. Мой кофе давно расползся клокочущей коричневой массой по плите, и я выключаю конфорку, машинально усаживаясь за стол. Карандаш скользит по бумаге, добавляя новые штрихи, детали, давая жизнь рисунку. О, да! Так значительно лучше. Даже внутри самой себя.

Вставая из-за стола, я чуть не стону в голос от того, что на часах на стене уже десять вечера. Боже, завтра вернуться мои родные узурпаторы, а я не прибралась! Собираю на-

броски, отделяя их от других вещей, и устраиваю на столе в кухне. Наскоро хватаю тряпку и лечу по всем полочкам и прочим поверхностям. Потом вода для полива цветов. Потом специальный распылитель для стекла, отдельно для деревянных поверхностей, для паркета... Измотавшись по дому к полуночи, я, наконец, укладываюсь спать, рассчитывая, что утром будет хоть немного времени на свои собственные дела. Должна же я получить хоть крохотный бонус за то, что исправно «следила» за трехкомнатной сталинкой на время отъезда хозяев на дачу!

Глава 2

Эля

Тревожный сон с участием двоих взрослых мужчин и меня, заставляет подскочить с капельками пота над верхней губой. Не припомню я, чтобы меня так полоскало. Всю ночь меня наглаживали требовательные руки и рассматривали две пары голодных глаз. С ужасом обнаруживаю, что возбуждена до пугающей влаги между ног. Досиделась за книжками, итишкина жизнь...

– Эля, девочка! Надеюсь, ты не пренебрегаешь режимом в наше отсутствие? – слышу голос мамы из коридора, и в мгновение натягиваю пижаму.

Запахивая легкий халатик, я бегу в ванную, стараясь не попадаться на глаза родителям хотя бы какое-то время. Душ, контрастный и беспощадный, но чертовски полезный для

фигуры. Оживаю, возвращаясь в реальность, и навожу красоту, убирая волосы в высокий пучок, как любит мама. Она уверена, что девушка и женщина просто обязана иметь прилизанную голову. Папа, конечно, проще, но он согласится с мамой в любом случае, даже если она скомандует «роем окопы» под ядерный взрыв. Выпархиваю из ванной, я направляюсь в свою комнату, чтобы переодеться. Вот именно сегодня мне очень хочется отсрочить свидание с маминым занудством. Зная, что она соскучилась, это неизбежно.

– Эля, девочка, почему ты не спешишь к столу? Тебя ждет Алексей. Что подумает о тебе этот серьезный молодой мужчина? – жеманно и скабрёзно, словно с горничной.

– Кто? Ну, блиин... – в памяти оживают ее нравоучения по телефону в последние пару недель.

– Не вздумай лопотать эту ерунду за столом! Ты девушка из приличной семьи, а не из-под забора! – ее лицо бескомпромиссно сияет уверенностью, что сейчас я живо напялю все самое лучшее и выползу безмолвной тенью в кухню.

По мнению мамы, девушка должна быть в первую очередь кроткой и желательно молчать. Собственно, за каким тогда рожном она нужна за столом? Есть она, кстати, тоже должна более чем умеренно. И как только моей маман удалось приобрести внушительную статью, если она следовала своим же правилами? Вообще маму я люблю, но ее хроническая позиция карлсоновской домоправительницы вышибает последнее терпение!

Напяливаю скромные темные джинсы и аккуратный белый топ без единой надписи. Да, в присутствии родителей я – Эля-недотрога и сама кротость. Правда, я не считаю это сколько-нибудь полезным качеством. Просто соглашаюсь и плыву по течению их бесконечной заботы о моем моральном облике. Прошлый век, средневековые табу – это все царит в нашем доме, уважение личности, ее интересов и хорошее настроение – небывалая роскошь. Обычно мама всем недовольна и носит маску «блюстителя» закона и морали. Я же просто жду возможности самостоятельного заработка, чтобы «съехать». И к моему несчастью, я слишком легкая на подъем, радующаяся жизни обычная девчонка, которой выпало вырасти в семье необратимых всезнаек.

– Доброе утро. – тихо говорю, стараясь не рассматривать парня, которого мама назвала молодым мужчиной.

Вихрастый, как розеточная морская свинка, в очках, которые беспрестанно поправляет указательным пальцем и с видом отправленного в бой камикадзе, Алексей усажен во главе стола, на место папы. Он поднимает на меня глаза и поджимает губы. Я не пыталась с ним говорить еще в прошлый раз, когда мама устроила такие же «смотрины».

– Присаживайся, дочка. Мама испекла отличные кулебяки. – радостно провозглашает отец.

– Лев, Боже, пироги, прошу тебя! Это слово ужасно. – манерничает мама, улыбаясь парню так, словно хочет его загипнотизировать.

Опускаюсь на стул, и руки мои рабски ложатся на колени. Что говорить? О чем? Мама мечтает, что Алексей сделает мне предложение, и ее самолюбие будет осчастливлено, потому что мать парня – декан факультета иностранных языков. Перспектива – так себе. Из одной клетки меня собираются сплавить в другую. Не воспринимаю это серьезно, до тех пор, пока мне на тарелку не укладывается кусок кулебяки. Следом за ним мама выставляет патологически тонкую фарфоровую чашку с вареным кофе. Я такой даже нюхать боюсь, чтобы не засорить дыхательные пути и не подавиться осадком зерна в половину чашки. Горький. Сахара на столе нет. Готова поспорить, что капуста в кулебяке соленая.

Странное чувство посещает меня по нарастающей. Я не могу «это» есть, пить, слушать разговоры, не имеющие для меня ценности. Они начинают тихонько раздражать, а то, как разглядывает меня Алексей и вовсе обескураживает. Он реально рассчитывает, что я его «мясо»? Отец жестом дает парню понять, что от него что-то ожидают, и тот глубоко вздыхает, собираясь с мыслями. Господи, ну, пошли что ли гром какой-нибудь... или просто – вышиби пробки!

– Эльвира. В предвкушении заключения нашего союза во мне разгорается неистовое желание быть с Вами. Согласны ли Вы принять мое предложение? – это выглядит хорошо заученной фразой, повторенной не один раз в присутствии родителей. Глаза мои выползают на лоб от комичности услышанного. Достоевский, Горький, да и Булгаков, полагаю, то-

же валяются под стол, хватаясь за животы.

– Какое? – ляпаю я, поражаясь тому, почему из меня это высыпалось сейчас? Всего лишь подумала, а слова прозвучали сами. Это ооочень плохо закончится, мелькает мысль. За пару месяцев жизни отдельно от родителей я обрела небывалую доселе смелость, говорить то, что думаю.

– Как какое? Выйти замуж! – восклицает мама, всплескивая руками.

– Я на это не подписываюсь. Мы не любим друг друга и даже... не знаем. Общие интересы, походы в кино, первый поцелуй, я должна сегодня же исполнять супружеский долг? – мое высказывание звучит как ушат холодной воды для меня и для всех присутствующих.

– Что? – мама скривилась, а папино лицо обрело удивленное выражение.

– Я не могу. Не могу так, как рабыня. – развожу руками, мило улыбаясь. – Не могу есть кулебяку с соленой капустой. Не могу пить кофе, от которого «встанут» почки. Не могу согласиться в угоду вам заниматься сексом с росписью в паспорте с человеком, которого не люблю. – брякаю, как хрустальный звон каждое слово. Это точно я говорю?

Кажется, мои ладони сейчас мокрые, а сердце колотится в горле, и голова от этого вздрагивает. Что на меня нашло? Это... открытая конфронтация с мамой приведет к войне! В рамках нашей трехкомнатной квартиры, конечно, но войне! Да она меня в порошок сотрет...

– Давайте лучше перекусим и перенесем наши переговоры на другое время, чтобы они не утратили характер мирных... – низким голосом произносит отец, но это все равно срабатывает как искра в баке с бензином.

– Да что ты себе позволяешь? – шипит мама, багровея от негодования.

– Погодите. Эльвира, мы можем поговорить без свидетелей? – предпринимает неожиданную попытку Алексей.

– Можем, почему нет? – поднимаюсь из-за стола, и он следует за мной в гостиную.

Разворачиваюсь на пятках, упирая руки в бока в ожидающей позе. И когда это я стала такой смелой? Симпатичные «зверюги» в лифте не растерзали, так все можно?

– Послушайте... послушай, Эль. Мне тоже это дело не с руки, но мама и Альбина Николаевна договорились, что... в общем вбили себе в головы... Давай хотя бы сделаем вид? Ты мне даже нравишься, – с этими словами, не давая шанса мне опомниться, он в один шаг оказывается рядом и впивается в мои губы.

Резкая боль в нижней губе. Понимаю, что он просто прикусил ее, не умея даже целоваться, но делая это с усердием и по велению матери!

– М-мм... Сволочь! – шиплю ему в лицо, отталкивая и залепляя смачную пощечину. – Кроманьонец недоделанный!

– Прекратите! – грохочет отец, вошедший в комнату.

Видимо, он предвидел эту сцену и поспешил мне на по-

мощь, но стал лишь свидетелем провальной затеи Алексея. После этой выходки парню я разве что в глаз плюну или между ног пну. Никаких демаркационных линий!

– Алексей, Вам лучше сегодня уйти. Перенесем встречу. Эля – иди к себе! Аля, прекрати этот цирк! Я говорил тебе... – он осекается, но продолжения не следует, потому что скрывается в коридоре, провожая Алексея.

Взъерошенный, обиженный и покрасневший, с приложенной ладонью к щеке, он предпочитает ретироваться, как мальчишка, которого отчитали!

– Эля! – мама направляется ко мне, полыхая гневом, но я успеваю скрыться у себя в комнате.

В доме негласное правило – моя комната – моя крепость. Замка на двери нет, но если я ушла туда, то меня уже никто не вытаскивает на разборки. Несмотря на мою уверенность, что хотя бы на этом инцидент исчерпан, мама влетает за мной следом, хватая меня за руку.

– Неблагодарная девчонка! Ты не понимаешь, от чего отказываешься! У мальчика будущее профессора! Твой ребенок не будет нуждаться! А семья! – она готова раздавить мое предплечье, как печеное яблоко.

– Мне больно! – пытаюсь вырваться из ее цепких рук, испуганно глядя на перекошенное гневом лицо.

В такие мгновения очень хочется провалиться сквозь землю, лишь прекратить поток ругательств и нравоучений.

– Нет, это мне больно! Сойдешься с каким-нибудь идио-

том, который и семью содержать не сможет! Нарожаете от него безродных и мыкаться будешь по хрущевкам! – она пугает меня своим ненормальным видом. – Из дома больше не выйдешь, если откажешь ему! Позорница! Непутевое отродье!

С этими словами мама толкает меня на кровать так, что я ударяюсь рукой и ребрами о спинку. Дикая боль, перехватывающая дыхание заставляет замолчать, подавившись воздухом. Сознание отказывается воспринимать, что это происходит со мной, домашней обласканной девочкой! Да я отличница до мозга костей! За всю жизнь не огорчила родителей, разве что однажды принесла домой котенка, так и того тут же унесли обратно.

Свернувшись калачиком, я непроизвольно рыдаю, задыхаясь от обиды и боли. Мне двадцать, через пару месяцев двадцать один, а моя жизнь напоминает... действительно рабство. И это в столице! Не где-то на окраинах горной республики! Однокурсницы не только живут полноценной жизнью, отдельно от родителей, но и имеют собственные отношения, сходятся, расходятся, целуются в кино, ездят на отдых с парнями. У меня же не жизнь, а кошмар. Точнее, я считала до сегодняшнего утра, что мама просто озабочена моим будущим чуть больше положенного, но оказывается, что я какой-то товар, средство достижения ею цели. Какой? Ведь она совсем не молода, как и папа. Неужели им будет хорошо и комфортно, если они избавятся от меня, как от ста-

рой софы?

– Это твои отчеты по практике? – она снова кричит в дверях, трясая моим наброском, как раз тем, над которым я просидела допоздна. – Гадость! Ты встала на неверную дорожку! Превращаешься в шлюху и рисуешь еще эту пошлятину...

Набросок оседает на пол кусочками бумаги, как и мои слезы. Дождавшись, чтобы мама ушла в гостиную, я захлопываю дверь, пододвигая к ней диван. В небольшой рюкзак кидаю белье, телефон, натягиваю старенькие спортивные кеды и джинсовую куртку. Распахивая окно, я с ужасом смотрю вниз, но не боюсь, напяливая рюкзак. Перехватившись удобнее, я перебираюсь на пожарную лестницу и бодро спускаюсь вниз со второго этажа. Хорошо еще, что начало июня и эти преодоления возможны. Наши окна выходят на торец здания. Поэтому, никем не замеченная, я вылетаю из двора, как ошпаренная, нащупывая в кармане паспорт и пропуск в «Rouge et noir». Реально на удачу! Вчера утром ездила за пакетом на почту, получая корреспонденцию Коренева по доверенности, потому и паспорт со мной. Кто-то меня пытается уберечь... от собственных родителей?

Кеды на босых ногах скоро натирают пальцы, но денег нет, поэтому шагаю дальше отчаянным пешеходом. Ключи от машины остались на тумбочке в коридоре. Почти к вечеру добираюсь к Ксюше, но набрав ее, слышу, что она уехала до завтра со своим парнем в гости... И угораздило же меня так вляпаться! На время отъезда родителей на дачу на все лето,

жила дома, а теперь оказываюсь на улице в безнадежном, как мне кажется, положении. Ну, не могу же я согласиться на этот бред! Какое замужество с чужим человеком?

Злопыхая, я добираюсь до квартиры бабушки. Да, это у меня тоже есть. К счастью! И от мамы, надо сказать, она отличается кардинально. Напора и поучительности не меньше, зато разумности в тысячу раз. Звоню в домофон, не надеясь на удачный исход.

– Да... – слышу ее манерный голос через какое-то время.

– Бабуль, это я. Пустишь? – получается заискивающе.

Дверь отворяется, и я ныряю в подъезд, в темпе хромая к знакомой квартире.

– Привет. Могу у тебя остаться? – спрашиваю с порога.

– Что с ногами? – бабуля мгновенно оценивает мое состояние с одного взгляда.

– Удрала без носков, натерла.

– Проходи, бедолага. Так и знала, что этим кончится... – вздыхает она.

Моя родная бабушка по маме, Елизавета Андреевна Блума, когда-то тоже начинала в Госунивере на кафедре филологии, но не засиделась там, а уверенно зашагала по партийной лестнице, возглавив сначала комитет комсомола в вузе, а затем в Профсоюзном объединении. Конечно, она уже добрых тридцать с гаком на пенсии, но порох в пороховницах никуда не делся и периодически вспыхивает.

– Ну, что дорогуша. *Le sœur n'insiste pas?* (с франц. Серд-

цу не прикажешь) – бабушка тоже не мыслит свою речь без постоянных цитат всех и вся.

– Ты уже знаешь, – стягиваю кеды с болезненных пальцев.

– То, что твои родители дурью маются? Конечно! Альбина не может уняться со своей глупой затеей. – она недовольно бухает чайник на плиту. – Где ж это видано, чтобы в это сумасбродное время замуж по указке шли? Дурь и блажь! А была бы умнее, то этот мальчишка уже обхаживал тебя, а не совался с заученными словечками из Средневековья.

— Бабушка... – восклицаю и обнимаю ее, потому что роднее и умнее сейчас не знаю никого. – Спасибо тебе, родная! Так обидно... – опускаю глаза, – За что со мной так?

– Не муляй меня, жутко! Взрослая девица уже, а все как малая! – она сердобольно усаживает меня за стол. – У тебя, поди другой кто уже на примете?

– Нет. Совсем нет. Но ведь я берегу себя для того, которого люблю. Пусть это пережиток и заросшая мхом старина, но я не могу просто так, понимаешь? Под пристальным оком гестапо! – с жаром говорю то, что действительно считаю важным. – Я же не породистое животное, допущенное комиссией к размножению? Стоило меня растить, любить, чтобы отдать первому встречному?

– Ох, Элечка... – бабушка вздыхает в несвойственной ей манере. Мягко, заботливо, мне крайне редко удается видеть это в своих близких. – Наверное, пришло время... – она опускается рядом со мной за стол.

– Ты хочешь открыть мне ужасную тайну? – улыбаюсь добродушно, но перестаю, оценив настроение бабушки.

Ее глаза серьезны как никогда. Морщины собрались на лбу и щеках, выдавая эмоциональное напряжение.

Глава 3

Эля

– Твоя мама однажды увлеклась мужчиной, вовсе не нашего круга. Роман был бурным, смешливым, но закончился печально для нее. Очень переживала, но молодой человек ее оставил, а Алечка рыдала так... С тех пор она такая, твердокаменная, убежденная, что в жизни эти вопросы подлежат решению, а не эмоциям, обсуждению. – вздыхает бабуля, качая головой, словно убеждая меня в некоем откровении.

– И всего-то? Бабуль, но ведь я никем не увлекаюсь. Я даже у подруги не могу остаться, потому что будет скандал. – отвечаю удрученно. – И жизнь у меня своя, судьба и все такое. Как мне жить-то с ее представлениями?

– У меня пока поживешь. – бабуля выставляет на стол нормальные фарфоровые чашки с блюдцами, которые я так любила в детстве, с незатейливыми черно-белыми рисунками азиатской тематики.

– Спасибо, конечно. Мамины слова как кошмарный сон. И позорницей называла, и безродной... А что ж я сделала?

– С горяча это. Пройдет. – утвердительно отвечает бабушка.

– Зарисовки мои разорвала. Я весь вечер вчера их дела-

ла. А тут... Мне проект сдавать в понедельник. Я же учусь и совсем не «на шлюху»! – обиженно говорю. – Фирма классная, современная, мне интересно там. Небоскреб в Москва-Сити, это не шараж-монтаж!

– Так это по практике? – хмурится бабушка.

– Да, представляешь? Компании заказали имиджевую и торговую рекламу сети женского белья, а мама... – слезы сами напрашиваются на глаза, и я моргаю, пытаюсь их скрыть. Бабушка не любит, когда рыдают просто так.

– Давай-ка чай пей и иди рисуй заново, – улыбается бабушка, сдержанно, но хотя бы так. – Времена и нравы... *Qui vivit, vegeta.* (с франц. Поживем, увидим).

Все же я обнимаю ее, и настроение немного лучше. Хоть кто-то меня понимает и поддерживает. Выходные я посвящаю восстановлению набросков, благо, что у меня припасены грифели и ватман здесь, в бабушкиной квартире. В карандаше, без полной прорисовки, но мне удастся воспроизвести все, что я наметила по проекту Шатанова, словно он отпечатался в моей памяти во всех нюансах. Интересно, ему понравится?

Я бы хотела... Мне так редко достается похвала, что услышать ее от чужих людей представляется нереально желанным. Первые пару курсов я еще не особо видела себя в профессии, зато сейчас, по-настоящему работая и планируя, как мои творения будут восприняты зрителем, я вхожу во вкус и чувствую, что это мое. Мне нравится, а ведь не это ли важ-

но, заниматься тем, что считаешь не только правильным, но и по душе?

* * *

В понедельник первым делом я бегу к дизайнеру, чтобы попросить перенести мою зарисовку в цифровой формат. Учитывая «умную» программу, это не занимает много времени, и через час я сжимаю в руках заветную флэшку. Этот проект будем моим отчетом по практике, поэтому так важно его протоколировать. Еще нужно получить на это согласие самого Шатанова, но я же смогу об этом попросить?

Молодая листва шуршит на ветру и машет ветками в открытое окно. Как приятно все-таки, жить, учиться, работать. Я жизнелюб, сложно отбить во мне это качество. И маму я прощу через пару дней. Конечно, скажете, тряпка! Но ведь она моя мама...

– Зайдите ко мне, Эля! – Корнев вызывает меня в свой кабинет по громкой связи.

– Иду. – на самом деле, звучит, как «бегу, ломая ноги!», потому что уж очень не терпится получить одобрение.

Минута, и я созерцаю его, довольного и ухоженного, но в слишком боевом настроении. После сказанного им в пятницу, никакого шарма и ни одной романтической искорки. Его будто подменили на следующий день после нашего вечера. Ну, да не мое это дело в конце концов. Мало ли проблем у его тараканов?

– Что с проектом? – он не церемонится ни минуты.

– Все готово. Я сделала сразу несколько вариантов и перевела в «цифру» – отвечаю, усаживаясь за стол. – Смотрим?

Пару минут носитель передает данные на монитор, и Коренев довольно улыбается. Под столом сжимаю кулачком «Yes!», как же здорово!

– Сама рисовала или подсказал кто? – одаривает меня снисходительным взглядом.

– Сама, конечно. – почти обиженно отвечаю.

– Тогда свободна. Хорошо! – он быстро встает и собирается уходить из кабинета, одаривая уже вопросительным взглядом.

Неожиданно дверь распахивается сама, и на пороге возникает Радецкий, широко улыбаясь.

– Готово? – он обращается ко мне, но я лишь успеваю открыть рот, пугаясь и смущаясь одновременно.

– Конечно, готово, Богдан! – выдает Коренев, демонстрируя флэшку в своей руке.

– Тогда показывай... – директор отодвигает стул и усаживается рядом со мной, продолжая рассматривать с интересом, не отвлекаясь на Кореневу.

– Может, к тебе? – нетвердо спрашивает Дмитрий, не решаясь вернуться к своему моноблоку и косо поглядывая на меня.

– Я уже тут. – гипнотизирующе произносит Радецкий и разворачивается к Кореневу. – Показывай и в темпе! – командует поставленным голосом.

Тому ничего не остается, как вернуться за монитор и снова вставить носитель. Картинки оживают в редакционной проекции на расчерченных полях, и директор удивленно разглядывает их, указывая рукой, чтобы Коренев прокрутил ниже.

– Когда ты собирался мне это продемонстрировать? – спрашивает серьезно.

Не могу уловить, нравится ему или нет. Пронзительно черные глаза сосредоточены и будто забывают обо мне на время.

– Вот шел, так сказать. Торопился! – добавляет иронично.

– Отлично, дружище. Как раз понравится Шатанову на все сто. Кто делал? – в вопросе слышу издевку. Проверяет?

– А есть варианты? – обиженно и с вызовом парирует Коренев.

– Дим, в пятницу ты вышел с совещания с кучей записей, а в понедельник я вижу «это». Так кто? – он испытующе сверлит глазами Коренева, подаваясь вперед.

– Блума. Наша бесценная Блума! – выпаливает Коренев неприязненно, словно моя фамилия вызывает у него оскомину.

– Славно, дорогие мои! В три жду у себя тебя и приятную незнакомку! – он одаривает меня смешливым взглядом, в котором я не могу прочесть ничего, кроме того, что зарисовки его устроили.

Радецкий быстро выходит, как, собственно, и вошел.

Большими шагами, почти бесшумно, а может, это у меня от волнения уши заложило?

– Незнакомка, значит... – протягивает Коренев. – Далек пойдеш, малолетка не гулянная! – злобно шипит, и я теряюсь от его негатива.

Он правда считает меня малолеткой? Откуда этот тон? Я даже не успела ему нахамить.

– Я пойду. – сдержанно выдавливаю, опуская глаза.

– Иди-иди, недолго тебе ходить своими ножками, – бросает мне в спину.

Неуверенной походкой и расстроенная, я иду в курилку, аккуратно усаживаясь на узкий кожаный диванчик.

– Кто тебя обидел, дитя? – вопрошает девушка, кажется Мила, секретарь, но вот кого из руководителей, я не вспомню, потому что не водил меня Коренев по отделам и не показывал компанию. Лицо знакомое у нее.

– Коренев, – мечтательно выдаю, затягиваясь приятным ментолом.

– Этот дорого не возьмет, чтобы гадость ляпнуть. Вроде ты практикантка?

– Да, это я. – скромно улыбаюсь уголками рта.

– Тогда держись от него подальше, мой тебе совет. – она поправляет несуществующую складку на плече накрахмаленной блузки. Манерно так.

– Как же? Он мне отчет по практике подписывает...

– А вот также. Твой отчет и Радецкий может подписать,

и Вагановна. Свет клином не сошелся! А Корнев скользкий от рождения, наверное. Он без траха не может говорить с женщинами, а ты... совсем еще ребенок. – выдает с толикой сожаления, оглядывая меня с ног до головы.

Боже! У меня на лбу написано, какая я неопытная, и все подмечают это безжалостно. И мужчины в пятницу в лифте тоже подкалывали по этому поводу. Так бы и разревелась, но это будет совсем край... Провожая ее, уходящую женственной походкой от бедра на высоченных каблуках. Я на них стоять-то не могу, не то, чтобы ходить. Пробовала у Ксюхи, так ляпнулась на ламинате в прихожей, чуть шею не свернула.

* * *

Стараясь быть незаметной, я захожу за Дмитрием в кабинет к Радецкому, поражаясь аскетичной роскоши, если такое сочетание вообще может быть. Стильные точечные светильники в форме паутины, дорогой стол из каленого стекла, кожаные глубокие кресла у небольшого журнального столика, огромный стол, монитор, который почти как плазма по величине. Он встает нам навстречу из своего дорогущего кресла и указывает протянутой рукой присаживаться в кресла. Дмитрий плюхается привычным жестом, а я сажусь осторожно, словно меня это кресло может проглотить. С моими габаритами и немудрено. Кресло для меня целый диван.

– Итак, Эльвира? Какие ассоциации по поводу зарисовки? Что Вы видите? – он выводит изображение проектором на

стену.

Мои картинки словно оживают, заражая меня саму какой-то уверенностью, эмоциями, именно тем, что я хотела передать рисунком. Рисую я давно, сколько себя помню. И за обои бывала наказана, и альбом для меня был лучшим подарком, и запах масляной пастели до сих мой личный афродизиак. Описать свои эмоции, глядя на ожившие образы, не сложно, и вовсе не стеснительно, потому что это слова моей души, ее цвет и краски.

– Легкость и в тоже время классика. Кружево и гладкий шелк. Этакое сочетание воздушно-небесного с реальной материей, ее лучшей, но нежной сущностью. – я облизываю пересохшие губы, замечая, что Радецкий разглядывает меня. – Для линейки нижнего женского белья это самое то, на мой взгляд. Незатейливая классика и современный модный дизайн. Я видела только одну коллекцию, но дизайнер планировал передать именно это.

– Верно, все верно говорите. Дальше. – неожиданно слышу низкий голос Шатанова, также заинтересовано рассматривающего то меня, то изображения. – Продолжайте! – его подбородок подпирает широкая красивая ладонь с длинными пальцами. Когда он успел оказаться тут?

– Каждый изгиб, черточка, деталь призваны передавать... неторопливость, плавность линий, с легким намеком на эротичность. Расслабленная поза модели – это не что иное, как демонстрация, как удобно в этом белье, насколько раскова-

но ее тело. Для нее это вторая кожа... и мужчина рядом с ней тому доказательство. Они выглядят естественно, хоть и поза кричит об интиме, а не простом наслаждении. Россыпь звезд... кружево – это россыпь звезд, да. Ему хочется прикоснуться к поблескивающим сокровищам.

Выдыхаю, снова облизываясь, и слушаю звенящую тишину. Не думаю, что фурор произвела моя несмелая речь, но выглядит именно так. Трое мужчин, один из которых грубо поджимает губы, уставляются на меня, словно смакуя сказанные слова, перекатывая их на языке, в сознании. Изображение проектора замирает, как и рука Радецкого на пульте. Все так нелепо, что они подбирают слова, как бы меня отшить? Мгновенно накручиваю себя, пыхая привычной неуверенностью. Щеки краснеют, а глаза готовы пролиться обидной влагой.

– Беру. Через неделю готовится мужская коллекция, и она моя! На постоянку! – гроыхает Шатанов, указывая на меня пальцем, будто на витрину.

– А кто бы еще отдал! – цедит Радецкий с невозмутимым видом, оборачиваясь к другу.

Внутри меня все замирает, потому что понимаю, наконец, что только что один из самых не простых клиентов... и одобрил, и готов заказать новый проект. Мне правда страшно, улавливая неприятие Коренева, который готов бросится на меня разозленным дикообразом и сожрать! Из рассерженного ежика он превратился в это чудище, увеличив свои игол-

ки вдвое, сделав их острее и длиннее, чтобы проколоть меня насквозь!

– На каких условиях Вы работаете у Богдана? – обращается Шатанов ко мне на полном серьезе.

– Я-аа? Практика у меня. Четвертый курс. – тихо отвечаю.

– Вот заканчивайте ее и жду Вас у себя на полставки, пока учитесь, а там посмотрим. Устраивает?

– А-аа... – хватаю воздух открытым ртом, не в силах выдать что-то вразумительное, переводя взгляд с одного на другого.

– Она работает здесь! – твердо бросает Радецкий. – Дмитрий, оставь нас!

Корнев лениво поднимается с кресла, вышагивая к двери. Он выходит, закрывая ее медленно, играя на моих нервах. Я остаюсь одна в кабинете с этими... хищниками. Их глаза лихорадочно блестят, шаря по мне и прощупывая каждую клеточку, каждый изгиб...

– Дмитрию отказала, но мне же... – Радецкий приближается, укладывая руки рядом с моими плечами на спинку кресла.

Внезапно по моим щекам начинают бежать слезы, и я поднимаю ладони, закрывая лицо. Слишком волнительно! Мне не хватает выдержки! Это вы, товарищи зверюги, меня выбрали, а я-то не готова!

– Эй, Эльвира? – Шатанов оказывается рядом. – Ты что? Что не так? – он разглядывает меня, касаясь запястий.

– Вы... не знаю даже имени Вашего... – всхлипываю.

– Рустам, – отвечает тем же тоном, но уже мягче, словно уговаривает.

– Эльвира... Эля... – ко мне наклоняется Радецкий, опалая дыханием шею. – Кажется, я понял. – разворачивается, вмиг оказываясь рядом, лицом к лицу. – Не бойся, слышишь меня? Давай руки. – он требовательно накрывает мои ладони своими, – Видишь, я не кусаюсь, не брызгаюсь серной кислотой.

Приходится хохотнуть на убойную фразу, больно уморительно звучит. Его пронзительные черно-карие глаза глаза с пушистыми ресницами парализуют меня, и сердце замирает, переживая эти секунды. Красивый, смугловатый, с неизменным очарованием и внутренним мужским шармом молодого уверенного в себе самца.

– Нам очень понравился твой проект. Ты талантливая девушка, поверь. Именно поэтому мы с Рустамом не хотим тебя отпускать. – его слова забираются под кожу, как вирус, и, кажется, я уже не смогу выбросить этот момент из памяти.

– Ты любишь кофе? Латте с карамельным сиропом или кленовым, а? Какой любишь? – спрашивает Рустам, также рядом восседающий около меня на корточках. – Шоколадным? – получается низко и с хрипотцой.

С ума сойти! Двое мужчин, обалденных, сексуальных, сидят на корточках возле заплаканной меня... Это даже во сне не снилось! Немыслимо! Неудивительно, что Коренева рас-

пирает от злости. Во мне бунтуют два человека – один ранимый и слабый, инстинктивно ждущий осуждения, а вот второй...какой-то бунтарь, упивающийся ситуацией. Двое... мужчин... Это же так... необычно, волнительно, беспредельно.

Куда только делись мои скованность и осторожность! Аромат парфюма проникает под кожу, и, кажется, я окунаюсь в бурный поток собственных эмоций, впечатлений, перекрывающих разуму кислород. Пронзительные глаза горной пумы сводят с ума. Я не в силах отвести взгляд, но стоит шевельнуться, как меня подхватывают медовые, серо-карие с огненной желтинкой глаза, убаюкивая и разжигая.

Боже-Боже... Это меня хотели выдать в субботу замуж по предварительному сговору? Мистический хлопок за кадром и гомерический хохот в сопровождение!

Глава 4

Эля

Так не может продолжаться вечно, поэтому одергиваю руки, оставляя на них памятные жгучие следы от прикосновений Радецкого. Это неправильно, хоть и захватывает меня целиком. Как вообще я позволяю себе подобные отступления?

– Так что на счет кофе, Эля? – проникновенно спрашивает Рустам.

Теперь я знаю его имя, хотя что это меняет?

– Наверное, откажусь. – опускаю взгляд на свои колени. – Мне стоит идти и доделывать проект. – заставляю себя трезветь от навязчивого дурмана.

– Ты уверена, что хочешь этого? Можно ведь на «ты»? Если заметила, в компании нет официоза. – добродушно улыбается Радецкий, подергивая бровью, совсем как тогда, в лифте.

Дьявольский шарм мужчин не отпускает, но я делаю над собой усилие. Достаточно того, что уже «намычала» тут нечленораздельно, давая повод думать о себе невесть что.

– Пойду. Точно. – вздыхаю. – В другой раз, – поднимаюсь с кресла.

Они тоже выпрямляются, оказываясь на хорошие две головы выше меня. Шатанов, правда, выше Радецкого и выглядит монументальней. Несмысленный мотылек внутри меня трепещет до дрожи в ногах, но я киваю неизвестно чему, и скрываюсь за дверью кабинета. Оказываясь в коридоре у лифта, я решаю хоть полчаса провести в тишине, чтобы найти объяснение своему поведению. Сердце колотится, глаза хлопают, сознание занято только этими двумя, с обалденными глазами. Конечно же, курилка и неизменная Наталья, кабинет которой находится рядом.

– Даже спрашивать не буду, что стряслось. Корешок злой, как черт! Не отчаивайся. Промахи бывают у всех. – решает она с ходу меня подбодрить, влетая следом и вытягивая сигарету из пачки.

– Промахи? Это к чему? – возмущаюсь.

– Ну, ты же его «опустила» у Радецкого? Проект... накосячила, наверное.

– Проект одобрил заказчик полчаса назад и готов заказать такой же для линейки мужского белья. Он активно растет и планирует раскручиваться с нашей помощью. – выдаю, дергая сигарету из пачки. – А Дмитрий представил это, как мой провал?

– Я так подумала... – растерянно выходит у нее, пожимая плечами. – Так ты реально угодила Шатанову?

– Угодила. Это всего лишь женское белье. Немного фантазии и пару часов на зарисовки. Что тут выдающегося? Это не депутата изображать с толпой беззащитных, но осчастливленных им зайчиков! То ли Дед Мазай, то ли серый волк!

– Ну, ты молодчина! – восклицает Наталья. – Но он тебе не простит. Без году неделя работаешь, а тут такое. Да даже не работаешь. Практика ведь? – дымящаяся сигарета описывает круг, рассеивая полоску дыма.

– Да, и чем она закончится? – мечтательно произношу, выдыхая вверх. – Знаешь, мне предложили работу на полставки, пока доучиваюсь.

– Тяжело, но пока семью не завела – самое то. И деньги, и прикрытия. Я тоже начинала шабашить с универа, не спала ночами... – откровенничает Наталья. Страхивая комочек пепла.

– Задумалась, – говорю о себе.

– Вот и правильно. Радецкий не обидит деньгами, если твои проекты «кушает» его любимый Шатанов.

– Почему любимый? У них общий бизнес? – становится вдруг интересно, что же их связывает.

— Ты не знаешь?

– Нет, просвети.

– Значит, слушай. Эти двое – лошадки темные. Поговаривают, что они увлекаются... как бы сказать-то тебе? Жестким сексом в общем. Групповым. В клубе каком-то их видели, ну, по интересам. – она уверенно кивает, стряхивая пепел мимо урны. – И проекты всяческие, торговые в основном, но Шатанов занимается еще чем-то, он в рекламе как хрюн в апельсинах.

– О-оо... – протягиваю. Я и про негрупповой-то не особо в курсе, а тут... Предпочитаю обойтись без комментариев, ибо мое лицо и без того говорит о многом. Мне в принципе не особо надо, чем они занимаются, главное, что эта «парочка Твикс» будоражит мое воображение.

– Ну, ты не тушуйся! Ты молодчинка! – Наталья убегает, вспомнив о чем-то важном, едва затушив окурок.

И что мне теперь делать с этой информацией? К какому месту приставить? Такие интимные моменты из жизни руководства и бродят по офису, как притча во языцах!

Добредя до кабинета, я пытаюсь дать описание процессам в проекте Шатанова, но что-то мой запал утихает. Ребра побаливают, усталость, а еще я осталась без обеда, поэтому сей-

час, в половине пятого вечера весьма стоило бы согласиться на кофе. К счастью, Корнев больше не вызывает меня, кипя самоваром у себя в кабинете, и я, крадучись, иду к кофейному автомату на этаже. Немного мелочи, ловкость рук и вот он, заветный горячий стаканчик в руках! Разворачиваюсь, но передо мной возникает огромная фигура Шатанова.

– А-аах! Господи... – подпрыгиваю на месте, стараясь удержать напиток.

– Как лестно, однако. Все же предпочту по имени. – бархатно отвечает мужчина, обвивая меня рукой за талию.

Больно, поэтому не могу сдержаться и морщусь, пытаюсь увернуться. Выражение лица меняется, и он уверенно берет меня под локоть, уводя к кабинету. Не могу ничего ответить, поглядывая, как капли горячего напитка стекают с пальцев, и просто подчиняюсь. Ну, не слопает же он меня? Он-то обещал.

– Этот? – спрашивает, едва бросив взгляд, и открывает дверь.

– Извините... – начинаю, чтобы вежливо выпроводить его, но в этот момент, он забирает у меня стаканчик и требовательно разворачивает к себе лицом.

Я упираюсь в его предплечья ладонями, задыхаясь от волнения. А мужчина одним махом собирается задрать на мне тонкую худи, чуть наклоняясь, чтобы заглянуть сбоку. До меня не сразу доходит, что происходит, но я уверенно вырываюсь от него, возвращая вещь на место.

– Что Вы себе позволяете? – говорю, стараясь вложить хотя бы негодование в эти слова.

Он сразу понял, что мне больно, и метнулся в кабинет, выяснить это.

– Тебя били? – злобно цедит сквозь зубы, указывая на мой бок.

Еще утром я отметила, что синяк приличный и все еще «свежий», багровый.

– Это Вас не касается. – опускаю глаза, чтобы не грубить.

– Ты позволяешь, чтобы с тобой так обращались? – в медовых глазах плещется протест и бешенство.

– Н-не могу... сказать...

– Твой парень? Мужчина, с кем ты встречаешься?

– Нет, это... это не Ваше дело, – я все еще пытаюсь протестовать сама. – Не надо меня пытаться, пожалуйста.

До меня доходит, как жалко я сейчас выгляжу, и слезы сами катятся из глаз.

– Эй... – он поднимает мое лицо за подбородок, внимательно изучая, и стирая слезы своей огромной ладонью. – Так не должно быть, знаешь?

– К-как? Быть... – бормочу, пропуская вдох под его пристальным взглядом.

– Тебе не смеют причинять вред. Обратись за помощью. – от его металлических слов по коже разбегаются мурашки, и ноги отказываются меня держать. – Ты обедала? – касается моего подбородка волевым жестом, фиксируя его и застав-

ляя смотреть прямо на него.

Как бы я не бодрилась, а происшествие в субботу утром выбило меня из колеи. Полуголодная, размазанная эмоциями и чувствующая себя брошенной, разменянной, я снова пускаю слезы, переводя взгляд ниже, зависая на губах Шатанова. Они немного пухлые, ярко очерченные, идеально розовые в обрамлении волосков темной бороды. Судорожно сглазываю с задранного вверх подбородком, и дотрагиваюсь рукой до запястья мужчины, давая понять, что мне так не удобно.

– Нет. Купила себе кофе. – отпускаю его руку и двигаюсь на свое место за столом. – У меня еще рабочий день не кончился.

– Во сколько?

– М-мм?

– В котором часу ты заканчиваешь?

– В шесть.

– Тогда в восемнадцать десять я жду тебя на паркинге. Если не дождусь – пойду искать. Мы перекусим в кафе и обговорим новый проект.

– Но как же... этот? Он же не закончен? – спрашиваю удивленно, косясь на свои лексические кульбиты в электронном документе.

– Его закончит Коренев по твоим базовым рисункам. Меня интересует уже новая разработка. И это серьезный деловой ужин, ясно? – его взгляд немного грубый, безапелляци-

онный, каким я не видела его еще.

Да, собственно, что я вообще знаю о нем? Киваю, боясь ляпнуть лишнего. Мне хочется пойти с ним в кафе как нормальной девушке, но реакция собственного тела пугает. Его голос и тон не терпят отказа, но как же я должна вести себя с ним, если не вижу в нем коллегу? Хотя отправляясь на свидание с Дмитрием я тоже так считала... Как любой девчонке мне захотелось большего, но тот и не пытался зайти дальше невинных бесед. Шатанов же, не раздумывая, собирался минуту назад задрать на мне одежду, чтобы видеть, почему мне больно. Забота или собственническое отношение? От этих мыслей по коже невольно пробегает мороз, и я ёжусь, словно замерзла. Этот Шатанов, скорее Шайтанов...

Усаживаюсь с кофе в кресло, поджимая ноги. Ну, и приключения!

– Ксю? Ты пропала, – огорченно говорю подружке. – У меня тут такое...

– Не иначе как завела себе кусочек удовольствия? – она что-то жует, отвечая в гаджет.

– Два. Скажи, это совсем не нормально?

– Да, ладно! Скромняга-Эля и два? – девушка на том конце связи, наверное, подпрыгнула и уронила телефон, судя по грохоту. – погоди, Эль. Реально?

– Директор и его дружбан мне работу предложили, сначала на полставки, потом уже... Ну, в общем, зарисовки им понравились. Предлагают раскрывать им проекты.

– Офигеть, подружайка! Вот это ты себя пристроила!

– Ну, еще не пристроила. Думаю, сомневаюсь...

– А чего тут думать! Во-первых, работа по специальности, это не подносы таскать в забегаловке. Ты карьеру начинаешь! А во-вторых, два уже лучше, чем один. Правда, у тебя и одного-то... Слушай, так ты еще...

– Даже не начинай. Не трави душу! – обрываю ее, прямо представляя как она удивлена.

– Тогда не теряйся, скажу я тебе. Рано или поздно... Тут главное, чтобы тебе этого хотелось, и чтобы мужчина был опытный.

– У меня потеют ладони от твоих слов. – иронично бурчу.

– Ханжа. Избавься от своей проблемы, пока она не просла в башке, а то будешь как твоя маман.

– Господи... Нашла, о ком напомнить!

– А ты задумайся. Как раз прекрасный повод...

– Ах, *Amour, toux, fumée et argent ne se peuvent cacher longtemps!* (с франц. Любви, кашля, огня и денег от людей не утаишь!)

– Ни черта не поняла, но давай, дерзай. Ой, Артем пришел. Ну, пока-пока!

Вот за что я люблю Ксю, так это за краткость! Типа сила мысли победит! И как же я должна предаваться той самой любви, не имея ни малейшего представления... точнее, как раз и имея одни представления?! От просмотра порно, да, признаюсь, пробовала смотреть, у меня трясутся руки и дер-

гается глаз, потому что представлять себя на месте тех девушек, так стыдно и страшно!

Глава 5

Эля

Ведомая инстинктом отнюдь не самосохранения, я спускаюсь на лифте в подземный паркинг и медленно слеую вдоль рядов машин. Любопытство и страх, как в хорроре, зашкаливают так, что не различаю собственное дыхание от стука сердца. Какой у него авто? Думаю, черный хищный седан. Нет, у желтоглазого тигра может быть только... огромный MERS GLX 400, темно-серебристый в тусклом свете парковочных фонарей. Наверное, так ему легче маскироваться... Делаю шаг, но мотор урчит недовольно, мигнув фарами. Он меня видит и играет. Еще шаг, урчит, ждет. Приближаюсь к машине, рассматривая водителя, но стекло тонировано. Останавливаюсь в нерешительности, но тут меня догоняет... Радецкий, подмигивая непринужденно и беря за руку, утягивая за собой. Он по-хозяйски открывает пассажирскую дверь и усаживает меня на заднее сиденье, забираясь следом.

– У меня тоже встреча в этом ресторане, поэтому с Вами доберусь! – выдает, бросая кейс на переднее сиденье.

Замечаю, что за рулем сам Шатанов, и глупо пялюсь в темное окно. С другой стороны, будь у него личный водитель, я засела бы сейчас между ними двумя!

– Чего стоим? – интересуется Богдан.

– Сейчас сирена отзовет, а то категорически громко. – отвечает, рассматривая меня в зеркало заднего вида.

– Вы смотрите на меня?

– Ну, да. Ты думаешь громко. Меня глушит. – невозмутимо накрывает своей иронией.

Краснею в темноте, потирая лицо руками. Вот же шутник чертовый! Знает, что ляпнуть, как взрыв посреди поля!

– Эль, Рустам слишком прямолинеен. Не сердись на него за это, окей? – мягко поясняет Радецкий, удобнее устраиваясь и по-хозяйски откидывая голову на сиденье. Оно высокое и удобное, даже учитывая задний ряд. Еще бы! Тачка люкс-класса, а я тут как панно на лобовушке!

Киваю головой, но все же не понимаю, что делаю в такой тачке между двумя мужчинами. На мне строгие одноцветные джинсы, дешевые кеды, тонкий худи с капюшончиком, а вот мужчины... одни только костюмы чего стоят, а еще замечаю, что у обоих дорожные часы со сложными циферблатами. Это такая фишечка новомодная, время видно на бесконечно звонящем гаджете, но котлы должны быть на месте!

– С такими комфортнее за границей, со сменой часового пояса, – поясняет Богдан, поймавший мой взгляд. – Ты играешь на каком-нибудь инструменте?

– О, нет! Если только на нервах маман. С этим мне удалось побороться в свое время, и капелька свободы осталась моей.

– Если струну гитары или скрипки при настройке перетянуть, то будет искажено звучание либо струна просто лоп-

нет. – вкрадчиво и низко произносит Богдан.

– К чему это? – приходится даже нахмуриться, чтобы уловить какую-то тоненькую подколку. Точно, подколку! Этот хищник просто не может говорить иначе!

– К тому, что ты напряжена до инсульта. Выдохни. Мы просто едем в кафе. Ты подготовила отличные рисунки, поэтому заслуживаешь хороший ужин в приятной атмосфере. И никому и в голову не приходило, обидеть тебя. – он вздыхает, – Кроме тех людей, которые применяют к тебе силу.

Мне снова мерещится, или лицо мужчины приобрело металлический оттенок? Он дотрагивается указательным пальцем до виска, подпирая ладонью лицо, но смотрит мимо меня. Шатанов уже доложил, что я реагирую на боль в боку. Предатель! Зачем ему... им это? Какая разница этим боссам, что в принципе на моих боках? Слишком много вопросов, которые я постесняюсь задавать.

Мы останавливаемся у огромной многоэтажки на Смоленской площади. Прогуливаться здесь еще можно, но вот заходить в заведения не хватит и целой среднестатистической зарплаты. Вывеска White Rabbit приглашает нас внутрь, но мы оказываемся сначала в лифте. Как из машины, меня принимают мягкие большие ладони, сопровождая, прикасаясь мимолетно. Выйдя из лифта, я невольно охаю от того, где оказываюсь. Вот уж по истине «Кролик...» Шестнадцатый этаж, стилизованный под волшебное местечко. Роскошные люстры, изысканная мебель, невероятной красоты светиль-

ники, старинные канделябры, огромные часы, деревянный замок как посреди детского магазина и... высота. Огромный город простирается перед нами, занявшими угловой столик.

Не кафе, а ресторанище! – приходит в голову мгновенно. Невообразимо дорого. Невообразимо страшные амбалы на выходе из лифта. Взгляд скользит по какой-то бумаге-грамоте на стене и цепляется за слово «Michelin». О, да! Это точно не поставщик автошин! Один из самых дорогих и пафосных ресторанов столицы. Поверить не могу, что оказываюсь здесь, да еще и в такой компании...

– Что ты предпочитаешь на ужин? – спрашивает Шатанов, отодвигая мне стул и усаживая к столу, невесомо касаясь плеча.

– Даже... не знаю, сколько это стоит...

– Я спросил не об этом. Какая еда тебе нравится? Мясо, морепродукты?

– Давай угадаем? – предлагает Богдан, усаживаясь рядом. – Держу пари, что морских гадов она не ест, а вот сыр любит, верно?

– Да, – смущаюсь.

– Что-то типа бри? И мягкое мясо? Не стейки! Угадал? – черные тлеющие угли смеются добродушно, придавая мужественному лицу особенный шарм.

– Маренга из каштанового меда с фуа-гра и бри, запеченный кролик с зеленью и вино. Думаю, гранатовое полусладкое Rimon. – тихо говорит Шатанов, словно читая мысли

Богдана и мои собственные, озорно поглядывая на нас. – Я заказал. Не мучай девушку.

– Не могу удержаться, чтобы не спросить. – прикусывая от нетерпения губу, собираюсь задать вопрос.

– Мы пригласили тебя. – выпаливает Богдан, расслабленно откидываясь на спинку стула. – Что-то еще?

– Н-нет, просто непривычно. – поёживаюсь от ощущения всепоглощающего восторга и страха одновременно. – И... зачем Вы меня пригласили? Мне не верится, что мои рисунки хороши. А Дмитрий... он мне отчет по практике может не подписать.

– Ты серьезно? Дмитрий... – огорченно протягивает Богдан.

Его отрывает входящий вызов, и он, извиняясь кивком, выходит из-за стола.

– Эля, пригласили тебя действительно мы оба. Эта история о деловой встрече... ты просто нравишься. Так честнее?

– Д-да, – киваю, – Но почему? Я же... совсем не Вашего круга. И одета...

– Плевать, веришь? Я могу купить тебе шмоток на две квартиры, но это не сделает тебя другим человеком. Точнее, способно сделать хуже. – он пронзительно смотрит на меня, накрывая мою руку своей ладонью.

Приятно и тепло. Уже не так страшно, чувствуя, как что-то совершенно новое, удивительное и волнующее поднимается во мне от этого прикосновения. Никогда не боялась,

когда до меня дотрагивались, но его горячая ладонь словно вскрывает скрытый поток энергии, спящий, обнажая нервные окончания и вынуждая воспринимать окружающее острее.

– Почему я? – нахожу в себе силы все же спросить, задать самый главный свой вопрос.

Неожиданно Шатанов встает, увлекая меня за руку к себе. Мы оказываемся у панорамного окна от пола до потолка, замирая перед шикарным видом вечерней столицы. Множество огоньков в домах, внизу, какие-то из них двигаются, мигают, переливаясь, следуя своей цели и траектории.

– Посмотри вниз, что ты видишь? – большие ладони ложатся на мои плечи, и сейчас не хочется ничего другого, только их, горячие и сильные, способные закрыть, уберечь от всего мира. Плавные и успокаивающие импульсы пробегают по телу, заставляя трепетать мое девичье естество.

– Дома, машины, город? – оборачиваюсь, видя, как пробежала морщинка сожаления поперек лба и застыла на переносице, между густых бровей.

– Огромный город. А сколько тебе лет? – все также невозмутимо говорит.

– Двадцать и скоро даже двадцать один. – не узнаю свой голос, звучащий неожиданно низко.

– И за все это время ты не встретила даже в своих родных человека, близкого тебе по духу. С кем бы тебе хотелось быть всегда, и днем, и ночью, и возвращаться к нему, чтобы ни

случилось. Гореть им, дышать и жить.

Ничего более волшебного на чистом русском я не слышала ранее, поэтому замираю, наслаждаясь моментом. Так верно подмечено... А откуда он знает о моих родных?

– Это ответ на твой вопрос. Встречный – почему мы? Твое сердце колотится от нас, а глаза полыхают страстью. Настоящей, потому что врать и играть ты не умеешь. Знаешь, какова цена настоящему? – он замирает. – Оно бесценно. Чем ты старше, тем большую цену готова отдать за это, вот только встретить, уловить хоть мимолетно удастся не каждому.

Его губы касаются моей макушки, согревая. Ладони чуть сжимают плечи, напоминая о своей нежной силе. Разворачиваюсь в его объятиях, уставляясь в подбородок, но лицо тут же наклоняется ко мне и губы прижимаются к моим, пробуя их на вкус. Робкое касание, перерыв, вдох, снова... Язык нежно пробегает по нижней губе, заставляя задохнуться от неожиданного желания большего...

– Осколки твоих звезд нежные на вкус... – протягивает хриловато, грубым шепотом, но этот полусшепот для меня изысканная мелодия.

Требую, прошу ее повториться, и мужчина целует крепче, жадно захватывая мои губы, заставляя впустить его в рот целиком, подчиниться ему, отдать все пространство для вдоха. Судорожно хватаю воздух носом, не отстраняясь, опуская свои ладони на его грудь. Твердая и горячая под тонкой сорочкой, как раскаленный камень. Он захватывает мое ли-

цо ладонями, подчиняя меня вновь и вновь, но неожиданно отпускает, оставляя пьяную от сумасшедшего поцелуя, едва стоящую на ногах.

– Нам лучше присесть, – коротко и хрипло говорит, возвращая меня в плетеное кресло.

– Извини...те, – смущаясь, бормочу.

– За что? Ты ждала этого, а я хотел. Разве нет? – бокал в его руке дрогнул, и он сделал большой глоток, не сводя с меня требовательного взгляда.

– Да... – признаюсь впервые себе, будто каюсь в неимоверном грехе.

– А я все видел... – посмеиваясь за стол усаживается Богдан, устремляя на меня горящие глаза.

Они плавно и грубо скользят по моим губам, и я сжимаюсь в комок от произошедшего. Мало того, что я умудрилась целоваться с мужчиной на людях, так еще и при директоре!

– И предпочел послать своего собеседника подальше, но даже так – не успел. Первый поцелуй сорвал настырный Рустам. – посмеиваясь, выдает Богдан.

– Меньше будешь болтать по телефону, распрекрасный Богдан! – подначивает его Шатанов.

Мне немного легче от глотка вина, и теперь я с интересом наблюдаю за мужчинами, один из которых оказался таким грешным на вкус, что вынуждена свести бедра, сидя на стуле. Каким будет на вкус Богдан? Беспринципная и дерзкая пигалица, которую я усиленно придерживала все свои

сознательные годы, кажется, рвется наружу. Мне интересно с ними. Вкусно. Эмоции настолько изящны и притягательны, что стоя у обрыва с автоматом у макушки, я выбираю – прыгнуть!